

за публикациями 1950-х годов утверждение о стремлении его представителей поставить свою науку на службу колониальной администрации (с. 55). Вслед за Б. Малиновским или независимо от него все значительные представители функционализма весьма критически относились к колониальной системе, а тем более не ставили свою науку преднамеренно на службу колониализму<sup>4</sup>.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть важность поставленных в обсуждаемой статье проблем, необходимость совершенствования, а кое в чем, может быть, и перестройки этнографических исследований, что вызывается самой логикой развития науки и практическими потребностями жизни. Но одновременно нельзя не отметить дискуссионности ряда положений, высказанных авторами. В частности, несколько преувеличенным выглядит утверждение: «с конца 1960-х годов всеобщее признание получило представление о том, что основным критерием для выделения предметной области этнографии должно быть рассмотрение этноса сквозь призму выполнения им этнических функций, прежде всего под углом этнической специфики» (с. 59). Такая точка зрения практически исключает как основу этнографии ее историческую сущность: задачи исследования закономерностей общественного развития в первобытном и раннеклассовом обществе, теорию ХКТ, историю хозяйства, семьи, социальных отношений, общественной организации в доиндустриальных обществах, развивающихся странах, т. е. то, что делает этнографию важным разделом Истории.

Требуется обсуждения и поставленная проблема о «советской школе этнографии» (там же). Все советские этнографы основывают свои исследования на методологии диалектического и исторического материализма. Это общеизвестно, поэтому с полным правом можно говорить о советской этнографии как целостном направлении. Однако марксистская теория отнюдь не исключает весьма различных подходов к исследованию этнографического материала и его интерпретации. Поэтому сужать советскую этнографию до рамок одной школы едва ли верно, так как это противоречит реальному положению дел в науке, тем более, что авторы сами справедливо отметили неопределенность употребления понятия «школа». Ближайшее свидетельство тому — настоящая дискуссия.

Совершенствование науки, перестройка, несомненно, нужны, но на основе глубокого анализа состояния науки. Не следует упускать из виду того, что новое далеко не всегда оказывается истинным, и нет большей опасности, чем принять желаемое за действительное, что может обернуться большими потерями. Думается, перестройка должна заключаться прежде всего в углублении фундаментальности исследований, в повышении качества работ, посвященных наряду с исследованием современных этнических процессов проблемам исторической этнографии, первобытно-общинного строя. Поставлена важнейшая проблема перестройки; пути ее осуществления должны быть выработаны на основе широкого демократического и всестороннего научного обсуждения.

---

<sup>4</sup> См., например, *Никишенков А. А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

**А. С. Мыльников**

### **ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье Ю. В. Бромля и М. В. Крюкова на обсуждение вынесена широкая по своему содержанию проблематика, касающаяся предметной зоны этнографической науки, ее историографии и источниковедения.

В современных условиях, когда перед советским обществоведением выдвинуты новые задачи, рассмотрение этого круга вопросов насущно необходимо.

«Возникновение этнографии как самостоятельной области знания,—справедливо пишут авторы статьи,—было тесным образом связано с формированием особенностей представлений о ее предмете и методе, в значительной мере определивших специфическое лицо различных школ, складывавшихся на протяжении истории этой науки» (с. 49). В связи с этим, в частности, Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков останавливаются на обстоятельствах возникновения так называемого эволюционного направления в этнографии, для которого было свойственно убеждение «о принципиальном единстве всего человечества, о прогрессе как всеобщем законе человеческой истории, об однолинейности общественного развития от простых форм к сложным» (с. 51). Обычно возникновение эволюционизма связывают с именами Д. Мак-Леннана, Э. Тайлора и А. Бастиана. Хотелось бы добавить, что еще в эпоху Просвещения сложился взгляд на отсталые, преимущественно внеевропейские народы как на живых представителей аналогичного этапа, некогда пережитого и народами Европы. Этой точки зрения в России придерживался в первой половине XVIII в. В. Н. Татищев; этнографическое обоснование подобного подхода попытался дать датский ученый Енс Крафт (1720—1765), автор одного из наиболее ранних трудов по общей этнографии — «Обычаи дикарей». По-видимому, попытки такого рода предпринимались в XVIII — начале XIX в. в разных странах, хотя не все они попали в поле зрения историков этнографии. Нам уже приходилось обращать внимание на книгу чешского писателя и публициста Яна Томичека «Эпоха первобытного человечества», увидевшую свет в Праге на чешском языке в 1846 г. Автор, основываясь на всей доступной ему литературе, доказывал, что изучение быта австралийских, полинезийских, индейских, африканских и других отставших племен позволит реконструировать «донисторический» период жизни народов Европы. Проникнутая глубокой верой в поступательное развитие истории человечества и исполненная уважения к разным по уровню своего развития народам, книга Томичека была восторженной апологией «вечного прогресса» человечества<sup>1</sup>. По основным своим параметрам воззрения чешского автора вписывались в сформулированные позднее принципы эволюционного направления в этнографии. Приведенный пример — а он едва ли является единственным — показывает, что предания этой школы заслуживают специального комплексного исследования, которое позволило бы полнее раскрыть взаимосвязи, изначально складывавшиеся между историей (и историей культуры) и этнографией в современном ее понимании.

По мнению авторов статьи, с историей культуры «этнография тесно взаимодействует при изучении народного художественного творчества» (с. 48). Однако только этим взаимодействие этнографии с историей культуры не исчерпывается. Предметное поле подобного взаимодействия намного шире. Оно, в частности, включает традиционную и народную культуры (обе эти категории полностью друг друга не перекрывают), хотя, разумеется, подход к их исследованию у этнографа и у историка культуры будет во многом различен.

Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков с полным основанием указывают: «Представление о том, что этнография рассматривает свои объекты сквозь призму выполнения их компонентами этнических функций, позволяет выделить основное ядро ее предметной области. Очевидно, что при таком подходе это ядро составит слой культуры в широком смысле слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура» (с. 47). С чисто методической точки зрения особую роль

---

<sup>1</sup> Подробнее см. Мыльников А. С. «Сравнительное изучение цивилизаций»: некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового культурно-исторического процесса // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 49—50.

играет здесь отношение к письменным источникам. «Даже анализируя историю ныне существующих этнических общностей, этнограф применяет иные приемы, чем историк, использующий письменные источники» (с. 47). И дело, конечно, не сводится к тому, что историк «всегда движется в направлении от древности к нашим дням», а этнограф, по словам Д. К. Зеленина, полагает «более надежным исходить из современной картины». Несравненно важнее то, что по устоявшейся традиции для историка (и историка культуры) письменные источники выступают как основное, а подчас и единственное средство реконструкции прошлого. На практике это ведет к искусственно создаваемым информационным ограничениям, к своего рода ведомственным барьерам на пути научного мышления.

Не имея возможности затрагивать в данном случае историографию темы, отметим лишь, что в ряде историко-культурных исследований, опубликованных в последние годы как за рубежом, так и в нашей стране, источниковая база не просто ограничивается кругом письменных материалов, но и утверждает, будто бы других источников для изучения народной культуры определенных эпох и регионов не существует. Думается, что дело здесь не столько в незнании фактического материала, сколько в том, что не разработаны методы взаимодействия между этнографией и историей культуры, а также недостаточно осмыслено понятие «этнографический источник».

Следует с величайшим удовлетворением подчеркнуть, что авторы обсуждаемой статьи решительно выступают против ограничительного, так сказать, ведомственного толкования этого понятия. Они с полным основанием обращают внимание на взаимодействие источников разного рода: письменных, археологических и, естественно, собственно этнографических (в том числе материалов полевых наблюдений). Можно было бы лишь заметить, что к числу последних целесообразно относить не только наблюдения, проведенные этнографом в процессе своей работы в поле, но и записи, сделанные учеными в прошлом и отложившиеся в их личных архивах. На эту сторону далеко не всегда обращается должное внимание, о чем хорошо знает любой специалист, работающий в архивах. Исходя из такого широкого понимания источника, в равной мере могущего быть использованным как в этнографическом, так и в культурно-историческом исследовании, мы полагаем, что следовало бы поставить вопрос о конституировании особой вспомогательной источниковедческой субдисциплины — этнокультурного источниковедения. Вопрос о содержании и методике этой дисциплины нуждался бы в особом обсуждении, например в рамках всесоюзного совещания по методике этнографической работы, о необходимости проведения которого в условиях перестройки этнографической науки пишут в своей статье Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков.